

Западный флигель, также именовавшийся Западным садом, располагался в этой части поместья Ху. По площади он превосходил даже главное жилое здание усадьбы.

Сейчас там обитали со своими семьями два брата: второй господин Ху Юньчжи и третий господин Ху Юньсю. Вместе со слугами и служанками в Западном саду набиралось под тридцать человек — почти вдвое больше, чем в главном доме.

Семейное собрание молодежи устроили у озера Сердца Пруда. Вода в нем была проточной: она попадала в город из крепостного рва Золотой столицы, разделялась на рукава и расходилась по усадьбам. В резиденции Ху это озеро, насчитывавшее уже вековую историю, считалось главной достопримечательностью.

В империи Великая Чжоу времен династии Сюаньюань как просвещенные мужи, так и прославленные полководцы превозносили стойкость сосны. Тяжелый снег гнет ветви сосен, но ствол их прям и горд — в этих словах виделась память о былых временах, когда императорский род Сюаньюань в союзе с военными и конфуцианцами поднял народ против гнета верховных жрецов. Поэтому теперь в каждом доме сажали зеленые сосны. А любование заснеженными ветвями при свете бумажных фонарей в зимние ночи стало излюбленной забавой жителей Золотой столицы.

Ху Пэй взял на руки Фэйбая и в сопровождении Минцуаня и Ху Линя, несших дворцовые фонари, вошел в ворота Западного сада. Они двинулись по сосновой аллее к озеру. Вдоль тропы к стволам сосен на высоте человеческого роста были привязаны бамбуковые шесты, на которых покачивались красные фонари, разгоняя темноту.

Ху Пэй плохо представлял себе здешние тропы — с самого рождения он ни разу не бывал в Западном саду, который полностью принадлежал семьям второго и третьего дядей. Оглядываясь по сторонам в зыбком полумраке, он невольно усмехнулся. Сплетни о том, будто поместье Ху бедствует, а девятый молодой господин — единственный богач в роду, казались нелепой шуткой. Достаточно было взглянуть на это море праздничных фонарей и горы сжигаемых свечей, чтобы понять: усадьба Ху сказочно богата, просто все средства сосредоточены в Западном саду. Неудивительно, что Ху Кунь и его братья так отчаянно рвутся к власти, мечтая занять место великого церемониймейстера.

«Глупцы не понимают одного: императоры династии Сюаньюань ценили род Ху именно за строгую скромность и чистоту Восточного сада»

— Эй, позвали меня, а сами не подождали! А-Пэй!..

Шустрая Хуан Сянь нагнала их на ходу. Но едва Ху Пэй обернулся, она заметила у него на руках дремлющую лису и тут же испуганно юркнула за спину Ху Линя.

— А-Пэй, зачем ты тащишь с собой эту лису? Мы же развлекаться идем!

Ху Пэй окинул ее равнодушным взглядом и пошел дальше, к залитой светом беседке в глубине сада.

— Не отставай.

Добродушный Ху Линь подмигнул испуганной спутнице:

— Сяо Хуансянь, молодой господин просто соскучился. Как только намечается что-то интересное, он сразу велит звать тебя.

Хуан Сянь весело хихикнула:

— Ну уж нет! По мне, так это брат Линь всегда помнит про Сяо Хуансянь и делится всем лучшим, в отличие от кое-кого.

Минцуань фыркнул, глядя на их пререкания:

— Жаль только, Хуан Сянь еще совсем пигалица. А то вышла бы замуж за Ху Линя, ха-ха!

Девочка сердито зыркнула на него. Ее пальцы за спиной незаметно шевельнулись, испустив едва уловимую искру духовного света.

— Ой-ёй!..

Минцуань на ровном месте наступил на незаметный круглый камешек, подвернул ногу и с размаху растянулся на снегу. Подняться сразу он не смог — лодыжку пронзила острая боль.

Ху Пэй остановился. И он, и лежащий у него на груди Фэйбай одновременно уставились на виноватое личико Хуан Сянь.

Девочка тут же съёжилась под их взглядами. Глядя, как Ху Линь помогает Минцуаню подняться, она неловко пробормотала:

— Ну... как же ты так неосторожно?

До ушей Ху Пэя сквозь завывание ветра донеслись веселые голоса из далекого павильона.

— Ху Линь, проводи Минцуаня обратно, а потом возвращайся к нам, — распорядился он. —

Отдай фонарь Хуан Сянь, она пойдет со мной.

Ху Линь не успел возразить — Хуан Сянь ловко выхватила у него фонарь. Поддерживая кряхтящего и шипящего от боли слугу, он обратился к ним:

— Молодой господин, я сначала провожу Минцуаня обратно, а потом сразу вернусь за вами.

Ху Пэй молча повернул к озеру. Хуан Сянь помахала Ху Линю ручкой и засеменила вслед за хозяином. Скосив глаза на его бесстрастное лицо, она надула губы:

— Ну я же не нарочно... Зачем он глупости говорит?

— Ты не человек, и должна всегда помнить об этом, — ровным голосом отозвался Ху Пэй, не глядя на нее. — Держись скромнее, не привлекай к себе лишнего внимания, если хочешь подольше задержаться в мире людей.

Он резко остановился и заглянул в ее темные глаза:

— В этом году ты станешь на год старше. Перестань вести себя как дитя, которому нужно постоянно напоминать о благоразумии.

Хуан Сянь забавно сморщила нос, но тут же расплылась в улыбке и пристроилась рядом:

— А-Пэй самый лучший! Я всё поняла!

У павильона у озера было шумно.

— О, Сяо Цзю пришел! — первым заметил их Ху Кунь. Шагнув навстречу гостям, чьи силуэты отчетливо выделялись на заснеженной дорожке в лунном свете, он удивленно спросил: — Почему ты один? Где твои слуги?

— Старший брат, — вежливо, но сухо поприветствовал его Ху Пэй.

Проигнорировав вопрос, он раздвинул бамбуковые ширмы и вошел внутрь павильона, укутанного тонкой тканью, сквозь которую пробивался теплый свет множества свечей.

Окинув взглядом собравшихся здесь юношей и девушек, окруженных толпой миловидных слуг, Ху Пэй мягко улыбнулся и поклонился по старшинству:

— Второй брат, третий брат, шестой брат, седьмая сестра, восьмая сестра.

Со всех сторон посыпались приветствия:

— Сяо Цзю!..

— А-Пэй!..

Шестой брат, Ху Ян, тут же подскочил к нему и с широкой улыбкой потянул за собой:

— Сяо Цзю, ты как раз вовремя! В Золотой столице сейчас повальное увлечение — игра в кости. Слуга третьего брата, Минчжао, в этом деле настоящий мастер. Ну-ка, покажи нашему девятому молодому господину свой класс!

Ху Пэй проследил за его жестом. За столом действительно сидел Минчжао — тот самый слуга, которого он видел играющим с Ху Суном у реки.

«Надо же, этот прохвост всё еще в поместье?»

Похоже, показательное изгнание Ху Суна, устроенное его матерью, не возымело должного эффекта на остальных. Это лишь подтверждало, что влияние его отца в семье постепенно ослабевает. Неудивительно, что Ху Кунь с братьями уже вовсю примеряются к должности великого церемонейстера. Раз этот погрязший в азартных играх слуга до сих пор не вышвырнут за ворота, значит, его крепко прикрывает собственный хозяин.

Хуан Сянь с любопытством протиснулась вперед и заглянула в чашу для костей.

— Подумаешь, велика хитрость! — хвастливо заявила она. — Я играю куда лучше него.

Седьмая сестра, Ху Юньлин, весело прикрыла рот веером, расшитым золотыми нитями:

— Говорят, Сяо Хуансянь умом пошла в нашего Сяо Цзю — такая же острая на язык. Но не думала я, что ты еще и хвастаться умеешь!

Павильон взорвался дружным смехом — смеялись и господа, и слуги.

Молодое поколение семьи Ху славилось завидной внешностью. Трое старших братьев — Ху Кунь, Ху Чэнь и Ху Тан — хоть и были рождены от разных матерей с разницей всего в год, неуловимо походили друг на друга благородными, чисто конфуцианскими чертами лица. На их фоне Ху Ян казался простоватым крепышом.

Его родная сестра, Ху Юньлин, обладала классической красотой: овальное лицо, брови-полумесяцы, миндалевидные глаза и алые губы. Казалось, она сошла со старинного свитка с портретом знатной дамы, однако ее живой взгляд и бойкая речь выдавали совсем иной нрав. Стоило ей забыть о светском приличии, как наружу прорывался ее истинный характер — острый, расчетливый и весьма своенравный.

Восьмая сестра, Ху Юньшань, унаследовала глубокие черты лица своей матери. Очаровательная и начитанная, она училась в Государственном университете, и это образование придавало ей особый, утонченный шарм. Она была из тех редких девушек, в которых удивительно гармонично уживались живость характера и поэтическая меланхолия.

Хуан Сянь, чье восприятие мира сильно отличалось от человеческого, не заметила в их смехе ни капли издевки. Она весело шагнула к столу и вызвалась:

— Ну давай, покажи, на что способен!

— Отлично! — первым загорелся Ху Ян. — Я тоже в деле!

Ху Юньшань пододвинула табурет и поманила Ху Пэя:

— Иди к нам, присаживайся.

До Ху Пэя донеслось смешение резких запахов благовоний и пудры. С трудом сдерживая раздражение, он потер кончик носа и нехотя опустился на сиденье.

Ху Юньшань заворуженно уставилась на белоснежного лисенка у него на руках. Ей безумно хотелось погладить зверя, но она вовремя сдержалась и потянулась к чашке с цветочным чаем, стоявшей на теплом столе над жаровней.

— А-Пэй, твоя лисица просто чудо, — как бы между прочим заметила она. — В нашем университете только и говорят, что господин Линцзюнь завел себе белоснежного питомца. Не прошло и пары дней, как мои сокурсники бросились скупать всяких редких зверушек. Твердят, что это невероятно изысканно и забавно.

Ху Пэй промолчал и даже не прикоснулся к чаю, который поспешила налить ему служанка.

— Три шестерки! Крупная ставка выиграла! Ну как вам? — раздался ликующий голосок Хуан Сянь.

Ху Кунь и остальные игроки ошарашенно уставились на кости. На столе лежали три идеальные шестерки.

Несдержанный Ху Тан первым пришел в себя и воскликнул:

— Минчжао! Ты за весь вечер ни разу не выбросил столько!

Слуга и сам онемел от удивления, но радости не испытывал — он проиграл в пух и прах. Хуан Сянь, поставившая на максимум, в один миг выгребла все его сбережения. Минчжао стоял перед кубиками с таким кислым лицом, что на него жалко было смотреть.

Ху Чэнь, глядя на его растерянный вид, толкнул локтем Ху Тана и расхохотался:

— Давай еще разок! Нечего добру пропадать. Не верю, что мы продаем какой-то девчонке!

Довольная Хуан Сянь так и подпрыгнула на месте, сгребая выигранное серебро в кошелек. Свободной рукой она уперлась в бок и задорно крикнула:

— Да я вас, благородных господ, ни капли не боюсь! Сдавайте!

Ху Юньлин, которая заправляла делами двух лавок, принадлежащих третьей ветви семьи Ху, была, пожалуй, самой богатой среди присутствующих. Видя, как везет девчонке, она почувствовала непреодолимый азарт и начала прикидывать свои шансы. Заметив блеск в глазах сестры, Ху Юньшань лишь мысленно скривилась.

Она перевела взгляд на Ху Пэя, который безразлично поглаживал лису, и заговорила с мягкой улыбкой:

— А-Пэй, говорят, ты обожаешь цветочный чай? Я тоже считаю его лучшим из лучших. Слой чайных листьев, слой бутонов, золотистые тычинки среди зеленой россыпи... Все это сушится и пропаривается девять раз, прежде чем превратиться в этот драгоценный сбор. Знаешь, я как-то упомянула в университете, что мой А-Пэй пьет только этот напиток. И что бы ты думал? Буквально через пару дней цены у торговцев взлетели вдвое! Все кругом твердят, будто этот чай омолаживает кожу и дарует ту самую безупречную статью, которой славится господин Линцзюнь.

Ху Юньлин, у которой уши были настроены на любой шорох, обернулась к кухне и насмешливо постучала веером по столу:

— Чистая правда! Стоит пустить слух, что дело касается нашего ненаглядного Сяо Цзю, как любой товар разлетается вмиг.

Ху Юньшань украдкой наблюдала за реакцией Ху Пэя. К ее удивлению, тот даже бровью не повел. Девушке пришлось натянуть улыбку и согласно кивнуть Ху Юньлин.

«Третья ветвь и главная ветвь действительно спелись. Никак их не сравить»

— Три единицы! Малая ставка! Снова моя взяла! А ну-ка, делитесь добром, ха-ха-ха!..

Хуан Сянь со смехом сгребла со стола новые трофеи — жемчуг и серебряные слитки. Ей было глубоко наплевать на кислые физиономии молодых господ и на яростный, полный ненависти взгляд слуги Минчжао.

В павильоне, обогреваемом жаровнями, становилось жарко, но у несчастного Минчжао внутри все леденело от страха. На его лбу выступил холодный пот.

Хуан Сянь аккуратно спрятала добычу и весело подмигнула Ху Юньлин:

— Спасибо за жемчуг, седьмая сестра! Он чудесен!

— Пустяки, — отмахнулась та. — Играем дальше! Теперь я ставлю вместе с тобой.

Ху Ян, почувстввав выгоду, торопливо сжал в кулаке свои последние два серебряных слитка и тоже переметнулся на их сторону. Ху Чэнь было дернулся следом, но Ху Тан вовремя удержал его за рукав. Границы между лагерями определились мгновенно.

Старший брат, Ху Кунь, попытался замять игру:

— Ладно вам, расходитесь. У Минчжао все равно денег больше нет, какой из него теперь ведущий? Давайте лучше чаю выпьем.

— Ну уж нет! — упрямо возразил Ху Тан, скрестив руки на груди. — Минчжао — мой слуга. Его долги я беру на себя, а если он выиграет, всё заберет себе. Идет?

— Третий брат, — вставил простодушный Ху Ян, — а у тебя-то откуда столько денег?

Ху Юньлин легонько шлепнула брата веером по плечу и рассмеялась:

— Братец, какая тебе разница? Даже если у третьего брата пусто в карманах, у нас ведь есть первый и второй братья. Они у нас люди государственные, при должностях, жаловании да с семьями.

При этих словах лицо Ху Куня потемнело. Он всегда терпеть не мог сестру Юньлин. Еще когда его родные четвертая и пятая сестры жили в девичестве, Юньлин вечно их изводила. Восьмая сестра хотя бы умела вовремя отступить, но эта не упускала случая уколоть. Было до безумия обидно, что девчонка, даже не удосужившаяся поступить в Государственный университет,

оказалась богаче его, старшего сына второй ветви.

— Сестра, ты говоришь глупости, — недовольно проворчал Ху Кунь. — Наше жалование не так велико, к тому же большая часть уходит в семейную казну. Из того, что остается, нужно покупать подарки матушке и женам, да и на личные расходы...

— Хватит оправданий, — прервала его Ху Юньлин, нетерпеливо постукивая веером по столу. Ее глаза горели азартом. — Скажи прямо: будешь ставить или нет?

Видя, как накаляется обстановка, Ху Чэнь подал знак Ху Юньшань. Та перевела взгляд на Ху Пэя, который по-прежнему меланхолично гладил своего питомца.

— А-Пэй, ну хоть ты им скажи! — защебетала она. — Это же просто безумие. Мы ведь одна семья, к чему эти споры? Может, сам сыграешь пару партий? Покажи этим заносчивым братьям и сестрам, как надо играть!

Ху Пэй лениво приоткрыл глаза.

Наблюдать за кузенами было забавно. Когда нужно было противостоять Ху Яну и его сестре, они всеми силами пытались затянуть его, представителя главной ветви, на свою сторону. Но стоило им остаться наедине, как они тут же начинали грызться между собой из-за каждого медного гроша. Если у сестры Юньлин вся расчетливость была на языке, то у родственников из второй ветви она, казалось, въелась в самую плоть и кровь.

— Какая радость в таком разделении? — спокойно произнес Ху Пэй. — Пусть шестой брат поменяется местами со Старшим братом. А Хуан Сянь — моя служанка, так что ее выигрыш — это мой выигрыш.

Обычно осторожный Ху Кунь на мгновение растерялся, но быстро прикрыл глаза, пряча вспыхнувший в них огонек. Предложение Ху Пэя ломало привычные союзы и смешивало все карты.

«Внук своего деда, ничего не скажешь»

Но такое решение его устраивало. Слишком уж соблазнительно звенело серебро в руках Хуан Сянь, да и за спиной Ху Тана стояла его супруга, госпожа Вэньчжан, которая не испытывала недостатка в средствах. Остальные тоже быстро смекнули, в чем выгода, и никто не стал спорить.

Ху Пэй вместе с Ху Юньшань подошли к столу. Девушка быстро оценила новые расклады.

С одной стороны: Ху Кунь, Ху Пэй, Ху Юньлин и Хуан Сянь.

С другой: Ху Чэнь, Ху Тан, Ху Ян и сдающий Минчжао.

— Силы не равны, — заметила она. — Пожалуй, я присоединюсь к шестому брату.

Сказав это, она преспокойно встала рядом со своим родным братом Ху Таном и, спрятав руки в широкие рукава, с улыбкой посмотрела на соперницу:

— Сестра Юньлин, у тебя ведь полно денег. Смотри не скупись, ставь по-крупному!

— О чем речь! — рассмеялась та, обмахиваясь веером. — Золота и нефрита не обещаю, но жемчугом и агатами я запаслась вдоволь.

«Обзавидуйся, книжный червячок»

Вытерев пот со лба, Минчжао глубоко вздохнул, потер ладони, прошептал короткую молитву и с силой встряхнул кожаный стакан. Кости со стуком закрутились внутри и наконец замерли на столе.

Сторона Ху Куня выжидала. Все взгляды устремились на Хуан Сянь.

Девочка, совершенно не боявшаяся этих смертных, весело хихикнула и повернулась к Ху Пэю, который все так же неторопливо перебирал шерстку спящей лисицы:

— А-Пэй, на что ставим? На крупное или на малое? И где твоя ставка?

Ху Пэй замер. Он медленно протянул к ней ладонь. Все затаили дыхание, гадая, что он собирается делать. Хуан Сянь тоже озадаченно уставилась на его изящные пальцы.

Ху Пэй тонко улыбнулся:

— Ты ведь моя служанка. А значит, все твои деньги принадлежат мне.

<http://bllate.org/book/18313/1759437>